

ПОДГОТОВКА НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В ВУЗАХ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В 1920–1930-е гг.

Статья посвящена совершенно не изученной теме в истории зарубежной русской науки. В ней анализируется опыт подготовки научных кадров в русской эмиграции. Он был схожим с практикой, существовавшей в России до Великой Октябрьской революции. На основе различных информационных ресурсов, но, преимущественно, Пражской коллекции, автор показывает, что попытка восстановления прежней системы подготовки научных и педагогических кадров за рубежом не удалась. Особенно это касается магистерских экзаменов и защит диссертаций.

После величайшей катастрофы, разразившейся в России в 1917–1920-х гг., в зарубежье в силу разных обстоятельств оказалось значительное число русских ученых. М.М. Новиков, в течение 16 лет возглавлявший Русский народный университет в Праге, один из организаторов вузовского образования в зарубежье, в брошюре «Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей. Опыт введения в русско-эмигрантскую научную библиографию» отмечал, что точную регистрацию ученых, добровольно покинувших свою Родину или изгнанных советской властью, провести невозможно, ибо они рассеяны почти по всему пространству земного шара и часто работают в каких-либо иностранных учреждениях, с которыми они до известной степени ассимилировались, так что их трудно разыскать. Но в результате анкеты, проведенной Русским научным институтом в Белграде в 1931 г., удалось установить имена 472 русских ученых, оказавшихся за рубежом. Среди них насчитывалось 5 академиков и около 140 профессоров российских университетов и специальных высших школ. Однако, по его мнению, «действительная цифра должна быть несколько выше 500». При этом он подчеркивал, что «многие приобрели профессорское звание уже за границей» [1. С. 8]. Действительно, эти цифры не могут считаться полными, так как анкетирование, о котором упоминал М.М. Новиков, не было ни обязательным, ни повсеместным. В них не учтены многие ученые, которые к тому времени оставили занятия наукой или числились в заграничной командировке. С точки зрения П.Е. Ковалевского, известного историка и общественного деятеля русского зарубежья, «общая цифра всех научных работников старшего и среднего поколения в зарубежье может быть исчислена не менее чем в тысячу, а с молодым поколением, подготовившимся уже за границей или даже родившимся за рубежом, она должна быть даже удвоена» [2. С. 79]. Эти авторитетные свидетельства позволяют, во-первых, судить о масштабах эмиграции из России профессорско-преподавательского состава. В 1913 г. в российских университетах численность профессоров и преподавателей составляла 1374 человека [3. С. 262]. Во-вторых, они показывают, насколько активно велось воспроизводство профессорских кадров в зарубежье.

Проблемы, связанные с организацией и функционированием русских эмигрантских вузов в 1920–30-е гг., привлекают внимание современных отечественных и зарубежных исследователей [2, 5–9]. Однако подготовка профессорско-преподавательских кадров в зарубежье еще не стала предметом специального изучения. Вместе с тем она являлась одним из основных аспектов деятельности Союза русских академических организа-

ций за границей, фактически выполнявшего функции Академии наук в зарубежье. Целью настоящей статьи является реставрация истории воспроизводства профессорско-педагогических кадров в среде русской эмиграции в 1920–30-е гг.

Известно, что послеоктябрьская эмиграция, считая свое изгнание временным, не желала ассимиляции. Она стремилась на чужбине возродить институты и традиции, существовавшие в дореволюционной России. Это прежде всего относится к системе высшего и среднего образования и, в частности, к сложившейся ранее практике подготовки научно-педагогических кадров. Основным источником пополнения университетов профессорско-преподавательскими кадрами в России, начиная с 1863 г., был институт профессорских стипендиатов. Лица, желающие посвятить себя преподаванию и научной деятельности, после успешного окончания университетского курса оставались при университете или направлялись в другой университет для подготовки к сдаче магистерских экзаменов, написания и защиты диссертаций на степень магистра, а затем доктора наук. В 1864 г. Министерство народного образования утвердило Положение об испытаниях на ученые степени, а в 1867 г. – «Правила о лицах, оставляемых при университетах и командированных за границу для приготовления к профессорскому званию». Этими документами, а также Уставом 1884 г. в дореволюционной России регламентировалась деятельность профессорских стипендиатов.

Подготовка была рассчитана по меньшей мере на 4 года. На это время «аспиранту» предоставлялась стипендия в размере 1200 рублей в год (данные на 1914 г.), которая с лихвой покрывала все необходимые расходы на жизнь и занятия наукой [3. С. 127]. Претенденты на ученую степень должны были сдать устный магистерский экзамен не менее чем по трем предметам. Это давало право на занятие должности приват-доцента любого российского университета. Для получения ученой степени магистра соискатель, сдавший экзамен, должен был представить диссертацию, одобренную университетской комиссией. Как правило, в качестве диссертации предоставлялась опубликованная работа. Защита называлась «диспутом», о дате проведения которого объявлялось заранее. Председательствовал на диспуте ректор или проректор, присутствовали все профессора и преподаватели соответствующего факультета, профессоры с других факультетов, специалисты из других организаций, студенты. Специализированные ученые советы отсутствовали. Вопрос о присуждении степени демократично решался сообществом ученых.

В начале защиты зачитывались биография соискателя и список его научных достижений. Затем высту-

пали официальные оппоненты (не менее двух), назначенные заранее университетом, неофициальные оппоненты и все желающие. На высказанные критические замечания соискатель должен был обстоятельно ответить по каждому пункту. Обычно диспут занимал 5–7 ч. По окончании дискуссии в тайном голосовании принимали участие все преподаватели факультета, пришедшие на диспут. Вопрос решался простым большинством [10. С. 76].

Защита магистерской диссертации позволяла претендовать на должность экстраординарного профессора. Из-за более высоких требований к претендентам на степень доктора большинство отечественных профессоров имели лишь магистерскую степень. Степень же доктора присваивалась тем ученым, чьи диссертации имели фундаментальное научное значение. В редких случаях, когда соискатель был хорошо известен, ему присваивалась сразу степень доктора в соответствии со значительными достижениями и выдающимися результатами. Подобные случаи были крайне редки. Можно назвать лишь выдающихся ученых, получивших степень доктора при защите магистерской диссертации, – философа В.С. Соловьева, статистика А.А. Чупрова, экономиста П.Б. Струве [3. С. 129].

Оказавшись вдали от Родины, потеряв прежний статус, русские ученые уже с 1921 г. начинают консолидироваться и создавать академические группы, ставившие целью моральную и материальную взаимопомощь, содействие развитию русской науки за границей, содействие студенчеству в продолжении образования. В целях координации деятельности наиболее активные академические группы, возникшие в Великобритании, Париже и Берлине, а также Общество Русских Ученых в Королевстве Сербии, Хорватии и Словении выступают с инициативой созыва съезда. Его организация была возложена на Парижскую академическую группу. Она сформировала оргкомитет в составе А.И. Анциферова, Ю.В. Ключникова и Н.М. Могилянского. Впоследствии в него еще вошли члены пражской группы А.С. Ломшаков, Н.В. Ястребов, Е.В. Спекторский, В.А. Францев и А.И. Глазунов [11. С. 58].

10 октября 1921 г. в Праге состоялось торжественное открытие съезда, который постановил объединить все русские академические группы за границей в особый союз, назвав его «Союз русских академических организаций за границей». В Уставе, принятом на съезде, подчеркивалось, что в задачи Союза, наряду с сохранением единства русского научного сообщества и представительством его за рубежом, входили «всемерное содействие к предоставлению членам Союза возможности научно работать, печатанию научных работ, подысканию мест по специальности и облегчению их материального положения»; «забота об учреждении, охране и дальнейшем существовании и развитии русских высших учебных и ученых учреждений за границей»; помощь ученым и студентам, оставшимся в России; забота о воспитании и обучении детей русских беженцев и студентов, оказавшихся за границей [12. Л. 1]. Местные академические группы сохраняли полную автономию. На них планировалось возложить обязанности и дать права факультетских советов, которые существовали в дореволюционных российских универ-

ситетах. С этой целью съезд предложил ввести в уставы академических групп положение, в силу которого действительными членами их могут быть преподаватели вузов, выдержавшие магистерский или соответствующий ему экзамен, а также лица, имеющие ученые степени. К работе академических групп могли привлекаться также и лица с небольшим педагогическим стажем и без ученых степеней. Но в постановлении съезда «Об учреждении Союза» было признано целесообразным деление академических групп на действительных членов, отвечающих требованиям научного и педагогического ценза, и членов-сотрудников, цензу этому не соответствующих, но имеющих отношение к научно-педагогической деятельности. При рассмотрении вопросов академического характера действительные члены должны были обладать правом решающего голоса [11. С. 73–74].

Несмотря на то что для уехавших из России ученых очень важной была проблема трудоустройства и неизбежной в связи с этим конкуренции, они все же понимали значимость подготовки новых профессорско-педагогических кадров. Вопрос о подготовке молодых ученых был включен в повестку дня I съезда и обсуждался как на пленарных заседаниях, так и на заседаниях специальной комиссии. По результатам обсуждения съезд принял постановление «О положении русских ученых за границей и о лицах, подготовляющихся к профессуре». Оно сохраняло институт профессорских стипендиатов и фиксировало, что основным условием допущения к магистерскому экзамену по-прежнему должно быть окончание русского или заграничного университета. Каждая академическая группа получала право создавать по факультетскому признаку особые испытательные комиссии для производства магистерских экзаменов и допущения аспирантов к защите магистерских и докторских диссертаций. Опасаясь профанации деятельности комиссий, постановление строго оговаривало их состав. В комиссии должны были входить не менее 5 человек, 4 из которых обладали бы русской ученой степенью магистра или доктора данного факультета. Что касается пятого члена, то он мог быть «лицом хотя бы не имеющим степени, но читавшим в какой-либо русской высшей школе университетского типа обязательный курс по своему предмету» [11. С. 77].

Понимая, что академические группы были малочисленными и имели весьма случайный персональный состав, участники съезда пришли к выводу о необходимости приурочивания защит к очередному общему съезду академических организаций. В этом случае они должны были проходить публично на съезде, при обязательном участии тех лиц, на основании отзыва которых диссертация допускалась к защите. О готовящемся диспуте все академические группы должны были извещаться не менее чем за 3 месяца. В те из них, где состояли авторитетные ученые по данной специальности, следовало присылать необходимое количество экземпляров диссертации для ознакомления и возможного участия в диспуте.

Печатание научных трудов для эмигрантов представляло серьезные трудности, поэтому в порядке исключения в вышеназванном постановлении допускалось представление к защите рукописей, написанных

не только на русском, но и «на любом из доступных оценивающей коллегии иностранных языков». Интересно, что это исключение вызвало жаркие споры. Многие ученые считали, что даже в условиях экстремального эмигрантского быта нельзя снижать высоких требований к соискателям ученых степеней. Так, председатель русской академической группы в Париже, профессор Е.В. Аничков считал, что представление рукописи вместо опубликованной работы нарушает принцип публичности защиты. «Когда диссертацией признается рукописное сочинение, одобренное двумя референтами, ... мы заходим слишком далеко. Напечатанная работа подвергается обсуждению в печати, она читается или может быть прочтена. Этим самым защита диссертации получает характер публичности... То обстоятельство, что книга выпущена на суд читающей публики, дает вес присужденной степени... Я не представляю себе, чтобы можно было считать себя магистром или доктором лишь потому, что где-то лежит несколько экземпляров рукописи, которую нашла удовлетворительной ... кучка ученых, как бы учены они ни были» [11. С. 78].

Во всем прочем защита должна была проходить на тех же основаниях и в тех же формах, которые существовали в дореволюционной России. Сохранялись прежние разряды наук, по которым присваивались ученые степени. На последующих съездах русских академических организаций за границей ученые на раз возвращались к этому вопросу, внося коррективы в сложившуюся практику. Так, по «Положению о производстве испытаний на степень магистра, степень доктора медицины и звание адъюнкта и о защите магистерских, докторских и адъюнктских диссертаций», утвержденному II съездом в октябре 1922 г., в состав испытательных комиссий следовало включать не менее 5, а не 4, как ранее, обладателей ученых степеней. В них могли также включаться лица, «хотя и не имеющие степени, но читавшие обязательный по предмету их специальности курс в правительственных или иных, пользовавшихся в отношении преподавания и присуждения дипломов одинаковыми с ними правами высших учебных заведениях». Однако численность последних не должна была превышать половины числа членов комиссии, обладающих ученой степенью. В случае отсутствия в данной академической группе необходимого числа ученых со степенями их можно было пригласить из других организаций. Кроме того, обязательным становилось присутствие в комиссии специалиста по соответствующей или родственной с нею научной отрасли, по предмету которой проходила защита [11. С. 150]. Четкое определение норм представительства свидетельствует о том, что научное сообщество относилось очень серьезно к организации испытательных магистерских экзаменов и защит. Вышеназванный документ вводил еще одно очень важное правило: «В видах достижения возможно широкой проверки научных достоинств диссертации, один или несколько экземпляров каждой диссертации препровождается... в местное публичное книгохранилище с доведением об этом до сведения Правления Союза русских академических организаций за границей» [11. С. 151]. С увеличением численности академических организаций те из них, в состав которых

входил более 20 профессоров и магистров, получили право устраивать защиту «в публичном общем собрании академической организации». Но их решение о присвоении ученой степени подлежало обязательному утверждению в Совете Союза русских академических организаций, а впоследствии на съезде [11. С. 152].

Хотя формально создавать испытательные комиссии могла любая академическая группа, первоначально вели прием магистерских экзаменов и организовывали защиту диссертаций только две наиболее авторитетные и многочисленные академические группы: пражская и парижская. Это объясняется, правда, не только персональным составом этих групп, но и более выгодными материальными условиями, сложившимися в этих центрах русского научного зарубежья. В рамках Русской Акции чешское правительство с сентября 1921 г. стало выделять кредиты для оказания помощи русским ученым. Последние были разделены на три категории: ординарные и экстраординарные профессора, другие преподаватели бывших российских вузов и оставленные для подготовки к профессорскому званию. Каждой из категорий выделялась ежемесячная стипендия соответственно по 2400, 1600 и 1200 чешских крон. Семейные могли получать еще ежегодно на содержание семьи 14000 чешских крон. Кроме того, выдавалось единовременное пособие (50000 чешских крон) на переезд ученых в Чехословакию. По третьей категории в Праге в 1921 г. было выделено 15 вакансий [13. Л. 1]. Получившие их должны были раз в полгода представлять подробный отчет о своей деятельности в Учебную Коллегию, занимающуюся распределением средств. Часть аспирантов стипендию не получали и должны были самостоятельно искать средства к существованию. Парижская академическая группа также имела достаточно устойчивое материальное положение за счет средств Земгора и других фондов.

В мае 1922 г. в Праге открылся Русский юридический факультет, который работал на основе программы дореволюционных российских университетов. Наряду с обучением студентов здесь велась активная работа по подготовке профессорско-преподавательских кадров. Факультет получал 8 вакансий для профессорских стипендиатов. Первоначально их контингент состоял из тех, кого еще до революции и Гражданской войны оставили для приготовления к профессорскому званию (К.И. Зайцев, Н.С. Жекулин, П.А. Остроухов, П.Н. Савицкий, Г.Н. Михайловский, М.А. Циммерман, М.В. Шахматов, Я.Д. Садовский). Затем число профессорских стипендиатов стало пополняться и за счет собственных выпускников (И.И. Лаппо, С.Л. Волкобрун, А.И. Голан, Г.Н. Смирнов, Г.А. Ситкевич, Е.В. Тарабрин, В.И. Завадский, И.П. Георгиевский, А.Б. Эфрон и В.С. Вилинский). Но по-прежнему принимали и соискателей, получивших образование вне факультета (В.И. Базанов, А.А. Башмаков, В.Е. Беланович, И.Д. Гримм, А.Я. Гуревич, И.И. Марков, С.В. Милицын, Г.А. Нанейшвили, С.С. Ольденбург, В.Н. Савинкова, А.Г. Сергеев).

В 1922–1927 гг. здесь успешно сдали магистерские экзамены по кафедре политэкономии и статистики К.И. Зайцев, С.С. Кон, П.Н. Савицкий, Н.В. Долинский, Н.С. Жекулин, П.А. Остроухов; по кафедре истории русского права М.В. Шахматов, Д.М. Одинец, И.И. Марков, С.Л. Вол-

кобрун; по кафедре международного права Г.Н. Михайловский, М.А. Циммерман; по кафедре римского права Г.И. Вилинский; по кафедре государственного права И.Д. Гримм [14. Л. 4–19] – всего 14 человек. К магистерскому экзамену могли допускаться также и лица, не находящиеся официально в аспирантуре. Например, в Русской академической группе в Чехословакии в вышеназванные годы успешно выдержали магистерские испытания И.О. Панас, С.Г. Пушкарев и В.В. Сахенев [15. Л. 14]. По прочтении пробных лекций они были удостоены права преподавать в звании приват-доцента и получили соответствующие удостоверения. Удостоверение могло быть выдано также в тех случаях, если экзамены сдавались ранее в России и это могли подтвердить несколько ученых. Так получили удостоверения Г.И. Ширяев и А.В. Соловьев, экзаменовавшиеся ранее соответственно в Харьковском и Варшавском университетах.

Магистерский экзамен по-прежнему должен был сдаваться не менее чем по трем предметам: «одному главному и остальным добавочным, ближайшим по разряду наук к главному, или составляющим к нему необходимое подготовление или дополнение» [11. С. 150]. Требования к знаниям по «добавочным» предметам в российских дореволюционных университетах были очень высоки. П.А. Сорокин вспоминал, что в 1914 г., когда его оставили на юридическом факультете Петербургского университета для приготовления к профессорскому званию, он для подготовки магистерского экзамена получил список литературы из 900 наименований, многие из которых состояли из десятков и сотен томов [16. С. 124].

Сложившиеся ранее представления членов научного сообщества о высоком престиже магистерского экзамена не изменились и в эмиграции. Академик П.Б. Струве, член Правления Союза Русских академических организаций за границей, по поручению специальной комиссии представил доклад «О подготовке специалистов по истории (русской и всеобщей) к магистерскому испытанию по политической экономии» [13. Д. 164. Л. 1–5]. В нем он доказывал, что включение политической экономии в качестве дополнительного предмета в магистерский экзамен по истории имеет глубокие основания, поскольку «теория политэкономии стоит рядом с теорией права, ставшей отраслью обществоведения. Общей методический характер этой науки давно обусловил ее связь с философскими дисциплинами и с исторической наукой. Связь с философскими дисциплинами воплощается в образах и научном творчестве таких мыслителей, как Аристотель, Фома Аквинат, Николай Орезмий, Локк, Юм, Адам Смит и другие... Достаточно сказать, что уже Юм и Курно... едва ли не более чем экономистами, являются один историком, другой философом истории». По его мнению, «историк, претендующий на научную подготовку, должен быть знаком с систематическим построением и расчленением экономической науки, с развитием экономических учений. Для него обязательно поэтому серьезное усвоение содержания общей части систематической политической экономии». Изучение и осмысление того или иного учения в связи с историей их времени должно было составить предмет первого вопроса на экзамене.

Ученый обращал особое внимание на необходимость чтения в оригинале «классических или парадигматически примечательных» авторов. Это делало обязательным знание, по крайней мере, английского, немецкого и французского языков. Для специалистов по древней истории, например, он рекомендовал требовать как минимум изучения «Политики» Аристотеля и экономически существенных мест из «Никомаховой Этики». От специалиста по средневековой истории требовалось знание трудов либо Фомы Аквината, либо Николая Орезмий. Специалисты по новой и новейшей истории должны были продемонстрировать на выбор знакомство с работами «какого-нибудь характерного в том или ином отношении меркантилиста или полумеркантилиста, или либерального экономиста, или представителя реакции против либерализма (например, Сисмонди), или же, наконец, социалиста». В список авторов, которых «надлежит особенно рекомендовать вниманию аспирантов», П.Б. Струве предлагал включить видных представителей мировой экономической мысли. В этом списке значились имена И.Т. Посошкова, Монкретьена, Мэна, Чайльда, Бехера, Барбона, Мелона, Кенэ, Джемса, Стюарта, Тюрго, Кондильяка, Риккардо, Мальтуса, Ж.-Б. Сэя, Сисмонди, Бентама, Шторха, Н.С. Мордвинова, Бастиа, Brentана, Оуэна, Сен-Симона (точнее, сен-симонистов), Фурье, Луи Блана, Прудона, Маркса, Родбертуса, Лассаля, Генри Джордже и супругов Вебб. Труды многих из них не были переведены на русский язык и их следовало читать на языке оригинала.

Второй вопрос носил историографический характер. Его аспирант выбирал из области экономической истории. Здесь знакомство с основной литературой должно было сочетаться со знанием первоисточников. Ответ на него демонстрировал умение испытуемого применять знание первоисточников к конкретной проблеме. При этом была важна «не столько абсолютно исчерпывающая полнота знакомства с литературой, сколько соприкосновение с первоисточниками и усвоение того, как проблема ставится в литературе и как ее изучение подготовлено и общей подготовкой вопроса и состоянием и изданием первоисточников».

Согласно «Положения о производстве испытаний на степень магистра, степень доктора медицины и звание адъюнкта и о защите магистерских, докторских и адъюнктов диссертаций», утвержденном II съездом академических организаций, по всем предметам, входящим в круг испытаний, под руководством комиссии соискатель разрабатывал программу, которая определяла объем требований и перечень изучаемых вопросов, а также список обязательной литературы [11. С. 150]. Программа по политической экономии, составленная П.Н. Савицким к магистерскому экзамену в августе 1922 г., включала один общий, носящий общетеоретический характер («Систематическое содержания учения о хозяйстве») и три специальных вопроса («Содержание и значение доктрины физиократов»; «Определение хозяйства и его место с социальной жизни»; «Экономически-географическая классификация таможенно-политических целых мира») [13. Д. 164. Л. 101–152].

В Пражской коллекции ГАРФ имеется интересная переписка между П.Б. Струве и П.Н. Савицким, отно-

сущая ко времени, когда последний готовился к сдаче магистерского экзамена. Еще в 1917 г. П.Н. Савицкий по рекомендации своего учителя П.Б. Струве был оставлен при Петроградском политехническом институте для подготовки к профессорскому званию по кафедре истории хозяйственного быта. События революции и Гражданской войны не позволили ему осуществить задуманное. Лишь оказавшись в эмиграции в 1920 г., он вновь возвращается к работе над диссертацией и приступает к подготовке магистерского экзамена. В январе 1922 г. он пишет П.Б. Струве из маленького городка Мокропсы, находящегося в предместьях Праги: «В здешнем уединении стал обстоятельнее обдумывать данную Вами тему для диссертации. И чувствую, что если начать писать ее, как “книгу” – ничего не выйдет... Диссертация будет написана в том случае, если будет написана “главами”, по особому вдохновению на каждую главу» [13. Д. 100. Л. 28]. Безусловно, для эмигранта, живущего в глуши, серьезной проблемой в подготовке магистерского экзамена было отсутствие необходимой литературы. Почти в каждом письме П.Н. Савицкий просит своего научного руководителя прислать или помочь найти ту или иную книгу.

Важное место в их переписке в это время занимает обсуждение содержания самого экзамена и отчета о его подготовке. В феврале 1922 г. П.Н. Савицкий спрашивает: «Интересно знать Ваше мнение: правильно ли в обозрении “лекторы” (литературы. – В.В.) представлять не просто список прочитанных книг, но некоторый “толковый отчет” о всей совокупности экономических занятий? Мне кажется, что это дает экзаменаторам возможно полнее уяснить и характер, и проблемы подготовки и облегчить постановку вопросов. Возможный объем “отчета” 10–20–30 печатных страниц, в этом отчете могла бы... раствориться... программа “специальных изучений”... Не знаю, что предпочесть: совсем ли краткое “оглавление” (вызывающее опасность, что обо всем, что может оказаться “своего” будет очень затруднительно судить по программе) или краткое “изложение”, не легко выполнимое, т.к. в существе это был бы конспект “диссертации”, преодолевающий все трудности письменного изложения. Быть может, подробный отчет в “лекторе” позволил бы ограничиться оглавлениям по пунктам» [13. Д. 100. Л. 31]. Узнав, что П.Б. Струве собирается приехать в Прагу, в апреле 1922 г. он пишет: «С большим нетерпением буду ждать Вашего приезда: у меня накопился целый ряд вопросов из самой “гущи” экономической теории, о которых я могу поговорить только с Вами» [13. Д. 100. Л. 36].

Из писем видно, насколько разносторонней была подготовка к экзамену. В марте 1922 г. П.Н. Савицкий сообщает: «...интересуюсь истолкованием экономического состава Евангелий, я просмотрел в январе – феврале десятка два книг об аграрном строе различных провинций Римской империи около времени земной жизни Спасителя; интересуюсь вопросами “континента-океана”, просматривал литературу о “внутриконтинентальной” азиатской торговле древности и средневековья. Должен ли “отчет о лекторе” заключать сведения о направлении и результатах подобных “изучений”, или не следует рассеивать внимание?» [13. Д. 100. Л. 52]. В другой раз, получив от П.Б. Струве посылку с труда-

ми немецких и английских авторов, он пишет: «...по получении начал штудировать Дживонса. Значки дифференциала не утратили, понять, в чем дело, оказалось нетрудно... Вчера я сидел всю ночь и к трем часам обнаружил неоговоренные опечатки в формулах, именно в тех, что составили камень преткновения; после этого уравнения с дифференциалами и без них стали “выводиться” и с гривы и с хвоста. Впрочем, запоминать все уравнения я считал бы нецелесообразным... Достаточно ли разобрать их все и запомнить важнейшие?» [13. Д. 100. Л. 34]. Отвечая своему ученику, П.Б. Струве писал: «Из области спорных вопросов или изучений не советую задерживать Вашего внимания, а концентрировать его на самом главном. Впрочем, по существу, Вы уже давно готовы, и весь экзамен будет точно интересным для Ваших собеседников...» [17. Л. 4]. Осенью 1922 г. П.Н. Савицкий сдал магистерский экзамен по политэкономии, проявив, как отмечала комиссия, «известную научную индивидуальность».

По традиции на магистерских испытаниях и диспутах могли присутствовать и задавать вопросы не только члены специально созданной комиссии, но и другие члены академической группы и все желающие. Публичность значительно расширяла круг вопросов и повышала уровень их сложности, позволяла увидеть творческий потенциал докторанта. Защиты были воистину «праздником мысли» и надолго оставались в памяти как самих соискателей, так и присутствующих. В 1924–1928 гг. в зарубежье было защищено всего 8 магистерских и 1 адъюнктская диссертация. Ученую степень магистра получили А.П. Марков и Г.Д. Гурвич, защитившиеся в Русском академическом союзе в Германии, Г.И. Ширяев, Н.И. Никифоров, Н.Е. Подтягин, М.А. Циммерман, М.В. Шахматов, В.И. Исаев (Русская академическая группа в Чехословакии) и В.В. Энгельфельдт (Русская академическая группа в Париже) [18. С. 21–22].

Думается, что небольшое количество защит объясняется несколькими причинами. Во-первых, многие ученые-эмигранты не имели условий для продолжения научной карьеры. Во-вторых, существовало резкое несоответствие русских и иностранных ученых степеней и званий. Так, в 1929 г. М.М. Карпович писал своему другу А.Ф. Изюмову из Кембриджа: «Не знаете ли Вы, не было ли какого-нибудь соглашения в международном масштабе об установлении соответствия между нашими степенями и заграничными? А то получается кричащая несправедливость. Я чувствую, что проделал не меньше, а больше, чем здешние доктора, между тем формально я даже не магистр (здесь степень совершенно презренная). А это имеет значение в смысле продвижения по здешней академической лестнице» [19. Л. 2]. В-третьих, недостаточно определенный политический статус всей русской эмиграции в целом и научной в частности делал ученых степени, полученные в русских эмигрантских вузах, ущербными. Когда, например, Г.В. Вернадский в 1927 г. собирался защитить на Русском юридическом факультете в Праге как докторскую диссертацию одну из своих опубликованных работ, он встретил резкое осуждение отца. В.В. Вернадский писал сыну: «Знаешь ли ты, что докторская степень факультета никогда не будет считаться равноценной с докторской степенью университе-

та, если университеты в России получают автономию?... Вообще меня смущает Пражская университетская русская организация в ее университетской политике... Можно мириться с магистерской факультетской степенью – *faute de no-veau* (ошибкой молодости. – *В.В.*), – но зачем вводить докторскую факультетскую. Возможно, что ты будешь играть, если автономия возродится в будущем, роль немножко смешную и зачем ставить себя в такое положение? ...лучше не давай на трепание свое имя» [20. С. 339–340].

Сложившаяся в зарубежье в первой половине 1920-х гг. практика воспроизводства научно-педагогических кадров сохранялась и в последующее десятилетие. Но в связи с закрытием большинства русских вузов в 1930-е гг. она утрачивает свое значение. С укреплением позиций СССР на международной арене и ростом авторитета советской науки эмигрантские научные сообщества перестают восприниматься в мире как единственные представители российской науки. К этому времени большинство ученых-эмигрантов смогло интегрироваться в вузы и научные учреждения стран проживания. Молодое поколение научную карьеру делало уже там. Русские академические группы по-прежнему продолжали существовать в большинстве стран Европы. В некоторых из них даже в условиях Второй мировой войны устраивались публичные диспуты при защите диссертаций. Так, в мае 1941 г. в Праге в Обществе Русских Ученых (измененное название академической группы)

прошла публичная защита магистерской диссертации А.Л. Бема «У истоков творчества Достоевского» [21. Л. 173]. Все же со второй половины 1930-х гг. они утрачивают свое прежнее значение и из академических сообществ превращаются скорее в землячества ученых и культурно-просветительские организации. В США до сих пор, например, существует Русская Академическая группа, выпускающая «Записки» на русском и английском языках. Но ее задачи существенно отличаются от тех, которые перед собой ставили русские академические группы 1920-х гг.

В заключение следует отметить, что ученые-эмигранты в рамках Союза русских академических организаций за границей стремились сохранить и аккумулировать потенциал русского научного зарубежья для последующего возвращения на Родину после ее освобождения от большевиков. На чужбине они пытались сохранить язык, традиции и формы функционирования дореволюционной отечественной науки, в том числе возродить институт профессорских стипендиатов. Но восстановить полноценную систему подготовки профессорско-преподавательских кадров, существовавшую ранее в России, эмигрантам все же не удалось. Специально созданные испытательные комиссии в основном принимали магистерские экзамены, дающие право преподавания в вузах. Интеграция в научный мир стран проживания делала бессмысленным получение русских ученых званий и степеней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новиков М. Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей. Опыт введения в русско-эмигрантскую научную библиографию. Прага: Русский Свободный Университет в Праге, 1935.
2. Ковалевский П.Е. История и культурно-просветительная работа Русского зарубежья за полвека (1920–1970). Paris: Librairie des cinq continents, 1971.
3. Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 года / Под ред. В.Г. Кинелева. М.: НИИ ВО, 1995.
4. Евсеева Е.Н. Эмигрантская и советская высшая школа 20-х гг. Опыт сравнительной характеристики // Новый исторический вестник. 2001. № 1.
5. Постников С.П. Студенчество России и проблемы получения высшего образования в эмиграции // Культурная миссия российского зарубежья: История и современность. М.: Рос. ин-т культурологи, 1999.
6. Раев М.А. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939 / Пер. с англ. М.: Прогресс–Академия, 1994.
7. Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов. М.: РГГУ, 2000.
8. Тимонин Е.И. Национальная культура Русского зарубежья (1920–1930 гг.) Омск: Изд-во СибАДИ, 1997.
9. Царек И.Ф. Харбин – центр высшего образования для русской эмигрантской молодежи // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: Исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. Хабаровск: Изд. дом «Частная коллекция», 1998.
10. Жуков В.И. Университетское образование: история, социология, политика. М.: Академический проспект, 2003.
11. Съезды русских академических организаций за границей. Прага, 1923.
12. ГАРФ. Ф. 5888. Оп. 1. Д. 7.
13. ГАРФ. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 275.
14. ГАРФ. Ф. 6427. Оп. 1. Д. 265.
15. ГАРФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 539.
16. Сорокин П.А. Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992.
17. ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 387.
18. Четвертый съезд Русских академических организаций за границей в Белграде. Белград, 1929.
19. ГАРФ. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 12.
20. Сорокина М.Ю. Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» // Русская научная эмиграция: Двадцать портретов / Под ред. Г.М. Бонгарда-Левина и В.Е. Захарова. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
21. ГАРФ. Ф. 6784. Оп. 1. Д. 138.

Статья представлена кафедрой отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Исторические науки» 1 ноября 2004 г.